
ВВОДНЫЕ ЗАНЯТИЯ

КРЫЛЬЯ ДЛЯ ПОЛЕТА

Все люди на земле отличаются друг от друга. Среди 5 млрд. людей не найти двух одинаковых. У каждого человека свой взгляд на мир, свои ощущения и индивидуальный образ мышления, интересы и устремления. Один копит деньги, другой ищет способ материально помочь другим. Кто-то изучает медицину, кто-то собирает марки. Один лезет на скалы, другой просиживает в течение нескольких часов на берегу реки с удочкой в руках. Есть ли что-нибудь такое, что объединяет их всех? Пожалуй, есть: их объединяет одно - желание получить удовольствие. Ни медицина, ни марки, ни пойманный карась - все это не цель, а средство достичь удовлетворения, удовольствия. И различие между рыбаком и скалолазом заключается всего лишь в виде удовольствия, не больше.

Дополнительно к индивидуальным наслаждениям, зависящим от наклонностей человека, существуют удовольствия, к которым стремятся все, - такие как еда, отдых, уважение общества и т.п.

Мы ощущаем удовольствие, например, после того как съели что-то вкусное. Мы стремимся к удовольствию, к наслаждению. Можно сказать, что наслаждение является стимулом действия, то есть желание получить удовольствие толкает человека к действию. Это желание играет роль своего рода двигателя, - подобно тому, как опасение перед страданием является тормозом для действия. Согласитесь, что если бы не страх перед тюрьмой, люди бы вели себя по отношению друг к другу иначе. Точно также, если бы не "волны сочувствия", если бы не муки совести, мало бы кто стал помогать страждущему. Именно желание освободиться от внутреннего дискомфорта, который появляется в душе человека при виде страждущего, и толкает человека на оказание помощи. Другими словами, желание получить удовольствие и избежать страдания является главным фактором, направляющим действия человека. Также и выбор между двумя поступками совершается исходя из оценки человека, какой из двух поступков принесет больше удовольствия или, что почти одно и то же, меньше страдания.

Вся жизнь современного человека и современного западного общества сосредотачивается вокруг погони за наслаждениями. Создать условия, в которых человек получит максимум наслаждений в минимум времени за минимальную цену, - это, по сути дела, девиз современной цивилизации. Однако счастлив ли человек, наслаждается ли он действительно жизнью? Посмотрите в глаза людям, скорее всего вы обнаружите, что что-то их угнетает, какое-то отсутствие покоя. Многие люди, большинство, все время находятся в напряжении, в конфликтах и сомнениях, их постоянно мучают бесконечные проблемы. Впрочем, этим и отличается человек от животного - беспокойствием. Дайте корове пищу, воду, тень, отгоните от нее насекомых - и она заснет. Животное, в тот момент, когда все его нужды удовлетворены, засыпает. Но что делает человек, когда достигает всего, что тому, чтобы его утихомирить? На какое-то короткое время человек приходит в состояние эйфории, что-то вроде опьянения, но затем неизбежно возвращается к поиску, и снова у него нет покоя. Ему хочется чего-то нового, другого. Впрочем, часто он не может достичь даже мимолетного состояния эйфории. В тот самый момент, когда, казалось бы, человек достиг того, к чему стремился, он теряет к нему всякий интерес. Классический пример - правдивый образ Дон-Жуана, созданный поэтами прошлых веков. Он не злодей, а глубоко несчастный человек, потому что всякий раз теряет интерес к женщине как раз в ту минуту, когда добивается ее любви, и поэтому вынужден ее оставить, чтобы искать новых приключений. Итак, мы видим, что человек не в состоянии найти удовлетворения в том, чем он уже обладает, поэтому он и не знает покоя. Но кто-нибудь из вас задал себе вопрос - почему?

На самом деле, здесь проявляется различие между наслаждениями материальными и духовными. Материальные наслаждения одинаковы и у животного, и у человека: вкусная еда, питье, сон и т.п. Здесь, в этой сфере, человек, как и животное, пытается найти удовлетворение и, как правило, находит его. Происходит так потому, что материальные наслаждения функциональны, т.е. предназначены для того, чтобы заставить человека есть, пить, отдыхать и т.д., т.е. делать все то, что необходимо для поддержания жизни организма.

Можно сказать, что система материальных наслаждений построена по принципу самой простой обратной связи. Так, например, устроен сливной бачок. Когда необходимо им воспользоваться, человек нажимает на ручку - и бачок опорожняется. При этом поплавок, опускаясь на дно, открывает кран, который снова заполняет бачок водой. В тот момент, когда вода достигает нужного уровня, поднявшийся поплавок закрывает кран, и все возвра-

щается в первоначальное состояние. Просто, как все гениальное! Как только сосуд опорожняется, специальная система контроля узнает об этом и включает систему наполнения. Та же система контроля прекратит наполнение в нужный момент. Подобное устройство никогда не переполнится, все работает под надежным контролем.

Этот же принцип, говоря простым языком, заложен в физиологической структуре человека. Когда мы чувствуем голод, мы начинаем есть. Как только желудок полон, срабатывают определенные внутренние механизмы, сообщение поступает в мозг - и чувство голода исчезает, а с ним пропадает и желание есть. В результате желудок не переполняется. Более того, если человек по ошибке съел испорченную пищу - желудок сам позаботится о том, чтобы вывести ее из организма. Все логично и просто, физиологическая система работает безотказно. В этом преимущество материальных наслаждений над духовными: они достижимы, то есть голод можно насытить, удовлетворить.

Но почему тогда человек не удовлетворен своей жизнью, почему никогда не знает покоя? Потому что на самом деле человек стремится к другим наслаждениям, не связанным с физиологическим функционированием организма, и стремление это намного сильнее, чем стремление к материальным, животным удовольствиям. Человек стремится к тому, чтобы его уважали и почитали, ему свойственна сильнейшая жажда накопления, он обуреваем стремлением к власти. Человек наслаждается, слушая музыку, наслаждается творчеством или просто ремеслом, когда создает что-то своими руками. Назовем эти наслаждения духовными, ибо они не связаны с физиологическими функциями организма. Животные к ним тягу не испытывают; стремиться к ним - удел одного человека. И вот именно в этой области человек, как правило, не находит окончательного удовлетворения, именно здесь жажда наслаждений не знает границ.

Рассмотрим одно из самых простых побуждений человека - жажду денег, стремление к накоплению богатства, - и убедимся, что оно совершенно алогично. Есть люди, накопившие денег намного больше, чем они смогли бы потратить, даже если проживут не одну жизнь, а две. Им самим этот факт известен, то есть они вполне отдают себе отчет об избыточности накопленных богатств. Но разве это хоть на немного ослабляет их стремление к еще большему богатству? Происходит прямо противоположное. Чем больше денег у человека, тем больше он хочет получить: есть 100 долларов - хочет 200, есть 200 - мечтает о 400. Насытиться деньгами невозможно.

Возьмем стремление к почету, славе, - и снова та же картина. Почет неспособен насытить человека. Чем больше кого-то прославляют, чем больше о нем говорят и восхищаются, - тем больше он стремится к популярности, к славе, до тех пор пока не станет рабом своих почитателей. Такое состояние иногда называют звездной болезнью. Печальный пример - "звезда" кино, спорта или поп музыки. Если такая "звезда" вдруг обнаруживает, что люди перестали сходить с ума от восторга, когда встречаются с ним, его жизнь сразу теряет интерес в его собственных глазах; он может впасть в депрессию.

Тому, кто заболел поиском славы, помочь трудно. Даже если он прославится на весь мир, жизнь ему будет не мила, если в мире останется хотя бы один нахал, который слыхом о нем не слыхивал. Классический пример - Аман из Мегилат Эстер, всесильный временщик персидского царя, фактический правитель над 127 государствами. Все кланяются ему ниц, но... "Все это ничего для меня не значит, - говорит Аман, - пока я вижу Мордехая Иудея, сидящего в царских воротах". Именно так: лишь один человек не кланяется - а для него уже нет никакого смысла в почете и мировой славе. Что это, как не разочарование и опустошенность?

Еще одно алогичное стремление - тяга к творчеству, к ремеслу. Здесь тоже подчас дело доходит до абсурда. Приведу пример. Некогда пост начальника генштаба Израиля занимал один человек, имя которого хорошо известно, но я не хотел бы здесь его упоминать. Так или иначе, он стоял во главе одной из самых оснащенных армий мира, и по одному его слову тысячи солдат могли привести в действие гигантскую военную машину и стереть с лица земли целые города. Но вот что о нем рассказывают: как только у него выдавалась свободная минута, он бросал штаб, генералов и мчался в свою столярную мастерскую. Там он сражался не с армиями, а с деревянными чурбаками, из которых делал домашнюю мебель. Если б вы видели, каким счастьем светилось его лицо, когда на церемонии прощания с армией он подарил армейскому клубу стул, который сделал собственноручно. И никто не сказал: простите, г-н генерал, но в магазине можно купить более приличный, надежный и красивый стул, лучше б вы не теряли свое свободное время на эту, извините, чепуху, на вашем стуле и сидеть-то не очень удобно. Но нет, так никто не сказал... Понятно, что прославленному генералу и мужественному воину был нужен не стул. Ему нужно было показать себе и другим, что он умеет работать руками, что он может что-то сделать полезное и вне сферы своих профессиональных задач. Он хотел показать, что ко всему прочему он еще и творец.

Другой человек способен подвергнуть свою жизнь смертельной опасности, чтобы забраться, скажем, на Эверест. Скажите, вам не нужно срочно на Эверест? Ясно, что альпинисту необходим вовсе не пик, самый высокий на земле, ему нужно испытать ощущение, что он совершил что-то выдающееся, преодолел препятствия, которые другим не преодолеть, воплотил в жизнь некую высокую мечту - высокую как Эверест. Но и здесь не будет до-

стигнуто полное удовлетворение, ведь всегда останутся другие, еще не покоренные вершины. Может, не такие высокие, но не менее опасные.

Пожалуй, наиболее тонкое и трудно уловимое из всех указанных явлений - тяга к скрытому, сокровенному, интерес к мистике, тайне. Стремление к тайне проявляется в любом виде искусства, во всех культурах. В чем эта тяга проявляется? В ощущении, что помимо того, что мы видим глазами, с чем соприкасаемся, существует другой мир или некая действительность, которую невозможно достичь. Она удивительна и в корне отлична от той, что нам знакома. Люди тянутся к ней, но не могут ни определить, ни описать ее. Можно всю жизнь крутиться вокруг нее, но так и не понять, что же это такое.

Стремление к сокровенному наиболее образно выражено в словах Паскаля: "Словно носит нас над центром какого-то обширного пространства, над его поверхностью, неустанно и непрерывно раскачивая и заноса из стороны в сторону, от одного края к другому. И сколько ни жаждем мы достигнуть хоть какого-то края, определенной границы, она, граница, ускользает от нас и отодвигается. И как бы мы ни преследовали свою цель, она будет вечно ускользать от нас. Ничто не стоит перед нами на одном месте. Такова наша постоянная и естественная ситуация. И все-таки она находится в прямой противоположности нашей природе: подобно огню, сжигает нас жажда обрести твердую почву под ногами, незыблемый и устойчивый фундамент, чтобы построить на нем башню, вершина которой уходила бы в необозримую высь".

Эти слова принадлежат Паскалю, но нет сомнения, что в них выражено чувство, присущее всем крупным ученым. Через науку они пытаются искать нечто постоянное, неизменное, незыблемое. Пытаются и не могут его найти. Паскаль с необыкновенной остротой ощутил страшное противоречие между стремлением к незыблемому и неспособностью его достичь. Снова перед нами голод, который нечем утолить. Люди, не имеющие отношения к науке, тоже стремятся к чему-то потустороннему, ищут его у тибетских монахов, в спиритизме, медитации, где угодно, но ничто не может удовлетворить их жажды.

Нужно отметить, что и с едой-питьем тоже не все в порядке: когда человек навязывает своему организму некие нефункциональные устремления, не связанные с поддержанием жизни, - насыщение, как правило, не наступает. Если человек ест для того, чтобы утолить голод, - он может насытиться, при этом наполнение желудка прекратит голод, и человек испытает удовлетворение. Но если он ест для того, чтобы насладиться вкусом деликатесов, скорее всего ему будет очень трудно остановиться; по крайней мере для этого надо проявить некоторое усилие воли: его желудок уже набит, пища в рот не идет, а на столе еще так много вкусного! Система "сливного бачка" срабатывает только чтобы прекратить голод, но почему-то по отношению к кревоугодию она не работает. И человек оказывается перед известной дилеммой: хочу, но не могу. Кстати, древние греки изобрели недурное решение упомянутой застольной проблемы: когда во время пира они были не в состоянии приступить к новой смене блюд, принимали рвотное средство, и пожалуйста - можно начинать сначала.

То же самое в сексуальной сфере. Здесь наслаждение призвано заставить человека дать продолжение роду. Стремление к продолжению рода функционально, а потому такое наслаждение достижимо. Однако, если человек стремится к любовным приключениям, выясняется, что удовлетворить свою страсть он не в силах. Наши мудрецы говорят: "Из всех органов человека есть один, очень маленький, который, если его насыщать, становится только голоднее, но если начнешь морить его голодом - он будет сыт". То же самое можно сказать обо всех упомянутых выше устремлениях. В нефизиологической сфере человек не только не способен насытиться и удовлетворить свою страсть, но наоборот, чем больше он пытается насытиться, тем он голоднее. Что же происходит? Почему система "сливного бачка" здесь не срабатывает?

Дело не просто в отсутствии тормозов, не в том, что в конструкции нет того поплавка, который вовремя закрывает кран наполнения. Природа алогизма здесь более серьезная. Если я пытаюсь утолить голод соломой и не чувствую насыщения, мне ясно, что солома - для меня не пища, она не годится для моего организма. Если же я съем обычный обед, то почувствую насыщение, и голод прекратится. Следовательно, мой голод был не абстрактен, он был направлен на определенный объект - на суп и кусок мяса. Мне нужно только найти этот объект, и тогда система срабатывает, голод прекращается.

Что касается жажды денег, то, если обладание деньгами меня не удовлетворяет, - значит, деньги не то, чего я в действительности хотел. Но тогда чего же я хочу на самом деле? На какой объект направлена моя жажда денег? И тут вдруг выясняется, что люди, одержимые собиранием богатства, такого объекта найти не могут. Им нужны деньги сами по себе, а не как средство для достижения других целей. То есть они стремятся к тому, что просто-напросто не существует. Это самое невыносимое из состояний. Чем больше такой человек приобретает богатств, денег или золота, тем больше ему хочется. Мало того, что он не в состоянии утолить жажду накопления, прибавляется еще разочарование. Это все равно, что пытаться утолить соленой водой обыкновенную жажду. Кстати, Талмуд именно с соленой водой сравнивает наш мир. То же самое можно сказать не только о страсти

к наживе, но и о стремлении к почету. А теперь ответьте, пожалуйста, на вопрос: если никакая самая громкая слава не в силах насытить человека, то на что же направлена его страсть? Разве в самой ее природе не заложена роковая ошибка?!

Попробуем подвести предварительный итог. Любое создание в мире стремится к тому, что можно достичь: корова – к сену, собака – к кости. Только человек стремится еще к чему-то такому, что вряд ли вообще существует. Он сам не знает чего он хочет и как это получить. “Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что”. Потому-то и несчастлив человек в этом мире. Ведь на самом деле духовные потребности преобладают над физиологическими. Жажда славы, власти, страсть к накоплению, стремление к творчеству – все это сильнее, чем желание есть и пить. Ради славы, ради денег, человек готов не есть и не спать, пока не свалится с ног. И вот именно здесь человек находит не удовлетворение, а разочарование.

Может быть, путь к счастью лежит в том, чтобы отвлечься от духовных устремлений и сосредоточиться на простых животных удовольствиях. Известно, что чем примитивнее человек, тем он спокойней, счастливей, если его, конечно, не мучат болезни, голод или другие люди. То есть при удовлетворении животных потребностей человек примитивного сознания легче достигает состояния полной удовлетворенности. Но этого нельзя сказать про людей с духовными запросами. Развитый, обладающий знаниями человек вечно одержим поиском. Знание не позволяет человеку наслаждаться скотской жизнью. Трудно представить себе свинью, которая, вывалявшись в грязи, вдруг почувствует что-то вроде такой мысли: “уф, это просто свинство – так перепачкаться!” А с человеком такое случается. Вывалявшись в грязи, он вернется домой и скажет себе: “ну не скотина ли я?” По крайней мере, оценить собственное состояние он может.

Получается, что человек обладает знанием, которое отличает его от животных, и это знание мешает ему жить, отравляет все получаемые удовольствия, добавляет в каждую бочку меда, которую человек приобретает с таким трудом, ложку дегтя. Все начинается осознанием того, что любое удовольствие преходяще, а заканчивается сомнением в смысле жизни, ибо каков смысл в жизни, если любое удовольствие представляет собой ту или иную степень скотства? Этот мотив можно проследить во всех культурах всех цивилизаций. Так написано в книге Коэлет (Экклезиаст): “Прибавляющий знание, прибавляет печаль”. В рамках русской культуры указанная антиномия выражается как “горе от ума”.

Так зачем человеку эта головная боль? Зачем ему знание, зачем интеллект? Тот же вопрос задавал энциклопедист Руссо: почему человек так страдает из-за знания, почему так запутывается в духовной жизни и вообще – зачем нужна эта духовность? И Руссо решил, что духовность не нужна: назад к природе! Когда его спросили, кем бы он хотел родиться, он ответил – улиткой. На это какой-то язвительный его соплеменник сострил: великий философ хотел бы родиться без носа, чтобы не чувствовать вони, и с большим желудком, чтобы можно было больше есть. Однако, мечта об улитке неосуществима. Мы родились людьми и обладаем разумом, который портит наслаждение от самых простых удовольствий.

Итак, зачем человеку знание? Если вы скажете, что в вопросе нет смысла, я задам его по-другому: почему у человека нет, скажем, хвоста весом в сорок килограммов? Ответ прост: потому что он мешает. Так вот: почему мы стремимся к знанию, если известно, что оно мешает, делая нас несчастными? Почему?

Написано в Коэлет: “Все труды человека – для его рта, но душа его не насытится”. В Мидраше на эту тему приводится такая притча. Один крестьянин женился на царской дочке, но счастливой семейной жизни не достиг, ибо чего бы он ей ни давал, ей все было мало, ведь она – царская дочка! Так говорит Мидраш. Примитивный крестьянин дарит принцессе свой самый лучший соломенный матрас – она недовольна. Он показывает ей на изумительный закат солнца у реки – она нос воротит. Мы-то с вами знаем, что это за наслаждение – доить корову или полоть сорняки на своем огороде, или бороться с вредителями, а после трудового дня, когда спину ломит от усталости, закусить козьим сыром с молоком. Но наша принцесса этого не знала. Она была воспитана в мире совсем других ценностей. Не в нашем с вами мире. К чему она привыкла в царском дворце? К камерной музыке, к театру, к обществу мудрецов и поэтов, к этикету... Точно также и человек, – его душа не способна найти простого удовлетворения, потому что она – царская дочка. А мы вроде того крестьянина: ошибаемся и не понимаем, с кем имеем дело.

Человек ощущает запросы души, чувствует ее порывы, неудовлетворенность, а потому стремится дать ей духовные наслаждения, те, которые ему известны – накопление, почет, искусство. Однако проблема в том, что душа человека – царская дочка, она пришла из другого мира, где привыкла к настоящей духовной пище, а то, чем мы пытаемся ее духовные, суррогаты. Потому и нет удовлетворения. Есть все, кроме счастья!

Что же это за духовная пища, к которой привыкла душа, и чем она отличается от известной нам духовности? Наша душа (царская дочка) – ветвь от большого ствола, корень которого питает все живущее. Эта ветвь может принять лишь то, что исходит от корня; все, что корню не присуще, ей противно.

А что мы знаем о Корне всего живущего? То, что Он - совершенство. Поэтому все, что относится к совершенству, приятно и человеческой душе. Созерцанием совершенства жила душа в Высшем мире, пока ей не велено было спуститься в этот мир. Для чего? Для того, чтобы повисить степень наслаждения.

Дело в том, что наслаждение Высшего мира - в какой-то степени неполное, в нем есть изъян, а именно: к нему примешено чувство стыда. Ведь получено это наслаждение не за что! Так уж устроен человек: получая незаслуженный подарок, он и радуется, и ощущает собственную неполноценность. Наши мудрецы говорили: тот, кто ест незаработанный хлеб, стыдится смотреть своему благодетелю в лицо. То же самое душа человеческая, - наслаждаясь созерцанием Совершенства, она испытывает неприятное смущение из-за того, что полученное наслаждение она не "заработала". Потому-то и велит ей Творец спуститься в наш мир и соединиться с телом. В результате такого симбиоза получается человек, каким мы его знаем, - существо, далекое от совершенства. Отныне он может приобрести совершенство ценой своих усилий, а не "бесплатно". И душа, заключенная в теле, не будет испытывать чувство стыда, ибо она честно "заработает свой хлеб".

Для обретения совершенства своими усилиями даны человеку 613 заповедей, которые соответствуют 613 "органам" души. Получается, что исполнение каждой заповеди совершенствует соответствующий "орган". И для того, чтобы человек без усталости копил исполненные заповеди и добрые дела, дана его душе жажда накопления. Однако мы с вами, тот примитивный крестьянин, ничему не учились и не понимаем, чего же на самом деле хочет царская дочь. У крестьянина все понятия взяты из крестьянской жизни, точно так же все наши понятия взяты из материального мира. Поэтому и жажду накопления мы направляем на материальные объекты: марки в детстве, потом велосипеды и платья, магнитофоны, деньги, машины, выгодные связи, дачи.

Представим себе человека, которого обуяла жажда купить машину. Надоело 20 минут каждое утро ждать автобуса, надоело мокнуть под дождем, а потом висеть на подножке, - он начинает копить деньги на машину. Поскольку человек направил свою жажду на реальный объект, включается воображение. Оно рисует ему сладостные сцены из будущего: вот он привозит ее домой, сверкающую краской и никелем; вот в пятницу на глазах у всех соседей начинает ее мыть, а они завистливо глядят из окон, причем Рабинович с 3-го этажа просто давится от зависти. Вот он отправляется на работу и добирается за пять минут, а летом грузит всю семью и отправляется на море... Предел мечтаний. Все эти сладостные картины делают воображаемую ценность машины намного больше ее истинной ценности. Копя деньги, человек отказывает себе во многом, и каждый раз, жертвуя семейным походом в кино или поездкой в отпуск, думает: это на машину. Чем больше жертвует человек ради какой-то цели, тем большего наслаждения он ожидает.

И вот наконец машина куплена. В первый день радость не знает границ. Однако, поостыв от первой радости, человек вдруг обнаруживает, что реальная ценность машины далека от той воображаемой ценности, которая создалась в его мозгу. Он так многим пожертвовал для нее, что ожидал неземного наслаждения, однако вот она стоит под окном, а он не чувствует ничего неземного. Приходит разочарование. Подспудно человек начинает чувствовать себя как бы обманутым и подсознательно пытается обнаружить в машине изъяны. Изъяны, конечно, находятся и начинают его раздражать: утром мотор не всегда сразу заводится, багажное отделение маленькое, сиденье не самое удобное, и, что самое главное, Рабинович с 3-го этажа тоже успел купить машину, но куда более современную, красивую и комфортабельную. Она и заводится с пол-оборота, и большая, и т.д. и т.д. Первоначальное наслаждение исчезает, человек чувствует себя окончательно обманутым и опустошенным. Он стольким пожертвовал ради этого драндулета! Нет, надо его продать и купить другую машину, как у Рабиновича, или лучше. Правда, соседская модель дороже стоит, но ничего, можно накопить. Так все начинается сначала. (И неизвестно нашему герою, что Рабинович тоже недоволен своим современным драндулетом, или скоро станет недоволен.) Удовольствие длилось день-два, затем сменилось разочарованием и новой жаждой приобретения. Именно поэтому и не может человек утолить жажду накопления: то, чего он уже достиг, обесценивается в его глазах, приходит разочарование, опустошение.

То же самое можно увидеть в механизме той страсти, которая называется донжуанством. Воображение рисует сладостные картины обладания желанной женщиной, но, достигнув ее, Дон-Жуан теряет к ней всякий интерес, потому что реальное наслаждение намного слабее того воображаемого, о котором человек мечтал. Вдруг оказывается, что те усилия, которые он затратил на обладание данной особой, не идут ни в какое сравнение с тем, что он от нее получил. Разочарование, раздражение, иногда даже ненависть к объекту вчерашней страсти наполняют человека. Голод остается, удовлетворения нет, начинается поиск следующей жертвы.

Однако если человек направляет свою жажду накопления на то, для чего она предназначена - на накопление духовного богатства, все выглядит совсем иначе. Душа его наполняется, приходит насыщение. Понятно, что духовная пища наполняет душу иначе, чем завтрак наполняет желудок. С наполнением желудка голод прекращается. Наполнение духовной пищей, как мы уже знаем, не прекращает голод. "Поплавок" в духовной сфере не

предусмотрен именно для того, чтобы человек не довольствовался двумя-тремя добрыми делами и не почивал на лаврах. Для того, чтобы он стремился выполнить все больше и больше заповедей, голод остается. Но вместе с тем, как это ни парадоксально, у человека появляется чувство насыщения и удовлетворения. Здесь, в этой сфере, в сфере духовного, нет того разочарования, которое испытывает, например, человек, накапливающий имущество.

Почему так происходит? Ведь в самом начале мы дали определение того, что называется духовной жаждой, а что жаждой животного характера. Все, что не призвано удовлетворять функции нашего организма, носит духовный характер. И именно в духовном поиске человек обнаруживает разочарование. Так почему же люди не разочаровываются, когда начинают “копить заповеди”?

Дело в том, что к добрым делам человек стремится по велению разума, а не движимый соблазном воображения. Поэтому, достигнув того, чего он желал, совершив поступок, к которому стремился, человек не обнаруживает пропасти между ожидаемым наслаждением и действительностью. Совершенный поступок не теряет ценности в его глазах, удовлетворение остается. И главная причина - в том, что каждый благородный поступок изменяет человека. Он как бы поднимается с каждым поступком на новую духовную ступень. Здесь нет места для аналогии с приобретением машины, все приобретение происходит в человеческой душе. Например, раньше ложь была для меня делом привычным, теперь я научился не лгать, и этого приобретения у меня никто не отнимет. Теперь я стремлюсь к новым ступеням, хочу прекратить говорить гадости о других (даже), но не потому, что разочаровался в правдивости, которую только что приобрел, - наоборот, новая ступень строится на ранее достигнутой.

Другой пример: допустим, раньше я был, мягко говоря, скуповат, - из меня нельзя было выжать копейку даже тогда, когда друг нуждался в помощи; теперь я научился давать деньги и с радостью помогаю людям. Но я стремлюсь к более высокой ступени - хочу приучить себя выделять каждый месяц 10% своего дохода на благотворительность, по-еврейски *цдаку*, не дожидаясь, когда ко мне придут с протянутой рукой. И делаю так не потому, что разочаровался в первом достижении, и оно потеряло ценность в моих глазах. Наоборот, только поборов в себе скупость и приучившись давать, я могу думать о новых достижениях. Таким образом, голод остается, стремление к новым достижениям усиливается, но нет разочарования, есть - удовлетворение. Тот же, кто стремится к накоплению имущества, вводит духовную потребность в материальные рамки, направив ее на материальные объекты. А в материальных рамках необходим постоянный процесс опорожнения. Здесь же поплавок не срабатывает, поскольку жажда - духовная. Поэтому, чем больше человек копит, тем больше растет его жажда, но удовлетворения нет никакого.

То же самое происходит со стремлением человека к уважению, почету, положению в обществе. Мы видим ту же схему “ветвь-корень”. В псалмах Давида душа называется кавод, почет; слово происходит от корня תָּדַד (к-в-д), со значением тяжелый. Иными словами, в душе человека заложено стремление к ощущению собственной весомости, значимости. Это стремление удовлетворяется, когда человек “отягощен” духовным багажом: изучением истины, положительными качествами, добрыми делами. Но голод не прекращается, и человек продолжает стремиться к еще большему самоусовершенствованию, хотя - и это самое важное - уже достигнутое совершенство приносит человеку полное удовлетворение.

Впрочем, и здесь люди очень часто подменяют реальную значимость человеческой личности значимостью мнимой. Иными словами, есть люди, которые стремятся к тому, чтобы другие знали о них, ценили их и почитали, считая их более важными и значительными. Так развивается у человека стремление к популярности и неутолимая жажда почета и уважения. Тщеславные люди готовы на все, лишь бы их заметили и как-то выделили из толпы, они готовы даже на глупость, а подчас и на подлость. Вот один пример: люди старшего поколения помнят то время, когда в Советском Союзе почему-то ценились молодые люди, которым посчастливилось достать потертые джинсы. Кто-то был готов отдать за них двухмесячную зарплату, потому что ему казалось, что, если он напялит их на себя, его будут больше уважать. Но понятно, что такое уважение насытить не может, оно иллюзорно, его не существует в реальности. В реальности подобных молодых людей ожидало разочарование: за двухмесячную зарплату они покупали “шмотку”, которая была больше похожа на половую тряпку, чем на людскую одежду. Повторялась та же история с машиной и Рабиновичем, помните?

На этом пути удовлетворения нет. Лишь тот, кто стремится к действительной значимости и ценности своей личности, найдет удовлетворение. Но тому, кто подменяет действительную ценность на ценность мнимую, на уважение других, - никогда не утолить своей неизбывной жажды почета.

О тех, кто, как и Аман, болеют поиском славы, почета и уважения, мы уже говорили. А что можно сказать о стремлении к власти? Для того, чтобы усовершенствовать себя, а в этом цель появления человека в мире, необходимо перебороть свои примитивные инстинкты, материальные потребности и эгоистические устремления, - предположим, что об этом знают все, настолько это элементарно. Если я хочу пожертвовать частью своего дохо-

да в пользу бедняка, необходимо перебороть жадность; чтобы не съесть чужого куска, необходимо перебороть свой голод.

С этой целью - чтобы люди помогали друг другу - Творец и вложил в человеческую душу стремление к преодолению собственной, сугубо эгоистической натуры, стремление править и властвовать над собой. Каждый из нас знает на опыте, что, переборов себя хотя бы один раз, мы ощущаем необычайное удовлетворение. Однако и здесь очень часто наблюдается подмена объекта. Почувствовав наслаждение, которое дает человеку воля и власть над собой, люди начинают стремиться властвовать над другими и навязывать им свою волю. Так развивается жажда власти.

История полна примеров властителей и тиранов, правивших почти половиной мира, но неспособных спокойно перенести мысль, что где-то осталась еще одна, пусть очень далекая, маленькая и нищая страна, которую они не прибрали к рукам. Что ему половина мира, если остается народец, им не покоренный! Нет здесь насыщения, Одно разочарование и опустошенность. Или как говорит *Коэлет*: суета и сплошное томление духа. То же ожидает людей, покоряющих стометровки, планки, горные вершины и т.п. Минутное упоение победой пройдет быстро, на смену придет вчерашняя неудовлетворенность и жажда новых побед и рекордов. Если человек пересиливает себя, свою жадность (к подвигам, рекордам, славе, деньгам), пересиливает свой эгоизм, пусть даже один раз в жизни, наслаждение от этой победы не покидает его уже никогда, оно всегда с ним, и он снова и снова переживает его. Каждый знает об этом на собственном опыте. Но упоение человека, взобравшегося на Эверест, не сможет сопровождать его всю жизнь, оно уйдет, оставив только воспоминания. В чем же разница? Почему победа над собой осязаемей, чем победа над чем-то внешним? Дело в том, что покорение Эвереста - победа человека, но она не изменяет самого человека, это внешняя победа, она временная, а потому и наслаждение ею тоже временное. Однако, победив самого себя, человек изменяется сам. Такая победа накладывает отпечаток на личность человека, теперь он добрее, щедрее, внимательнее. Свою победу человек продолжает носить в себе, она с ним навечно, а следовательно навечно с ним и наслаждение от этой победы.

Теперь рассмотрим стремление к творчеству, жажду создавать. Это стремление дано человеку для достижения важнейшей цели - создать самого себя, построить свою личность. Все заповеди Торы преследуют одну цель: исполняя их, человек как бы изменяет свою натуру, улучшает "качество" своей души, вернее *может* улучшить. Каждый из нас рождается на свет с определенным набором качеств. Один, допустим, щедр, но раздражителен и вспыльчив до злобы. Другой скуп, но зато никогда не злится. Если человек всю жизнь использует только те качества, которые даны ему от рождения, он просто зря тратит годы жизни. Человек рождается для того, чтобы исправить те качества, которые еще не исправлены. В нашем примере щедрый, но раздражительный человек должен учиться сдерживаться, скупец должен побороть свою скупость и стать щедрым. Это невероятно трудно, но это и есть настоящее творчество. Прославленному генералу не нужна столярная мастерская, ему нужна работа над собой, работа, которая не прекращается не только до пенсии, но и всю жизнь. Чтобы не устал человек создавать самого себя, и дана ему неодолимая тяга к творчеству.

Однако создавать самого себя невероятно трудно. Рабби И. Салантер говорил, что легче выучить весь Талмуд, чем изменить одну черту своего характера. Ко всему прочему многие вообще не считают работу над собой необходимой: принимайте, дескать, меня таким, каков я есть! И что же делают такие люди со своей тягой к творчеству (ведь в какой-то степени она присутствует у всех)? Они обращают ее на создание картин и скульптур, написание книг, сочинение музыки и создание стульев в столярной мастерской. Но любой человек, занимающийся творческой работой, знает, что моменты творческого экстаза всей жизни можно сосчитать по пальцам, а остальное время проходит в творческих муках и неудовлетворенности. (И если кому-то это нравится, то разве он не мазохист?)

Теперь рассмотрим стремление человека к сокровенному. Оно дано человеку для раскрытия тайн Торы, Б-жественного сути мироздания, о смысле человеческой жизни. Здесь мне хочется привести слова известного профессора Мориса Шлика: "Есть минуты в жизни, когда кажется, что завеса падает, и мы чувствуем себя близкими к сердцу мира. В эти минуты мы ощущаем, что перед нами открывается дверь в бесконечность, и мы постигаем смысл всего. Но сразу после этого все снова закрывается, и мы находим себя в изгнании, в котором напряженно ожидаем, когда же снова наступит такая минута. Именно эти минуты дают понять, что не все в мире - абсурд. Роль, которую играют эти минуты в вопросе о смысле жизни, подобны роли органов чувств в естественных науках". Шлик - современный ученый и философ, он не знаком с Б-гом, поэтому говорит о моментах близости к Б-гу как о минутах близости сердцу мира. Вся жизнь между одной такой минутой и другой - постоянный поиск и мучительное ожидание, когда же она снова придет. Приведенные слова написал человек, безусловно, духовный, но не знакомый с Торой. Для человека, серьезно занимающегося изучением Торы, такие минуты, когда кажется, что приоткрывается дверь в бесконечность, - явление ежедневное. Конечно, тот, кто учится поверхностно, ис-

пытывает их редко, но занимающийся углубленно, ощущает эти возвышенные минуты постоянно. Нет другого занятия, которое могло бы настолько удовлетворить жажду познания истины, как изучение Талмуда.

Иногда стремление к сокровенному выражается не столько в жажде раскрытия истины, сколько в ностальгической тоске, которую вдруг испытывает человек. На самом деле, это не тяга человека к мистике, а тяга души к своему Создателю, своеобразная ностальгия души по миру, который она покинула, войдя в наше тело, тоска, которую она ощущает, заключенная в теле как в тюрьме, неспособная выйти на простор, чтобы устремиться к бесконечности, к абсолютному Совершенству. Очень остро выражено это чувство в "Песни песней", *Шир Аширим*, написанной царем Шломо (Соломоном): "На своем ложе искала ночью я того, кого любит моя душа. Искала - и не нашла". Что делают люди, когда чувствуют приступ подобной тоски? Ищут экстаза при помощи алкоголя, наркотиков, мистики, спиритуализма. То есть кормят душу суррогатами. Но что на самом деле нужно дать душе в такую минуту, чего она ищет? Она ищет молитвы. Молитва - это не просьба к Б-гу: дай мне то, дай мне это. Б-г и без моих просьб знает, что мне дать и когда. Нет, молитва - само общение с Богом, беседа с ним. Если твоя душа тоскует по Создателю - поговори с Ним, излей перед Ним свою тоску! И душе твоей станет легче.

Пришло время подводить итог. "Все труды человека для его рта, но душа не насытится" - так говорит *Козлет*, мудрейший из людей. И любой мыслящий человек согласится с его горьким выводом: удовлетворить материальные, физиологические потребности можно, но найти удовлетворение духовным запросам трудно, если это вообще по силам человеческой природе. С точки зрения физиологической, люди построены совершенно: голод и насыщение сменяют друг друга в определенном ритме, поэтому все в порядке. Но сколько ни старается человек удовлетворить свои духовные запросы, он только усиливает голод. Причина заключается, как говорят наши мудрецы, в том, что душа - царская дочка, а мы, забыв об этом и не понимая ее запросов, скормливаем ей псевдодуховные вещи. Происходит ошибка в адресе. Если пища, которую потребляет человек, не утоляет его голод, значит голод на самом деле, направлен на другой объект. Человек переживает трагедию, ибо по незнанию ввел духовные устремления в материальные рамки, направил жажду души в погоню за наслаждениями. А поскольку никакие суррогаты насытить душу не могут, то, достигнув того, к чему стремился, человек тут же теряет к нему интерес, в результате чего остается разочарование и чувство опустошенности, а потому голод не только не утоляется, но растет еще больше. Только стремясь к истинно духовной жизни, к тому, чего жаждет царская дочка, человек может достичь удовлетворения. Верно, что в погоне за духовным богатством голод тоже остается, но нет места разочарованию. Высоты, достигнутые на этом пути, не теряют ценности в глазах человека.

Кстати, скажите, как психологи объясняют тот факт, что человек стремится к обладанию счастьем, но не может его достичь? Психологи говорят так: если в принципе человек нормален и его побуждения логичны, их, побуждения, можно было бы удовлетворить, когда бы не бесконечные помехи. Обычный человек - существо запуганное, закомплексованное, нервы его разболтаны, на него давит общество, его развращает телевидение, он замучен насилием, страхом войны, переутомлением, неуверенностью в завтрашнем дне, собственной некоммуникабельностью, - словом, сплошные помехи. Не было еще на земле ни одного человека, который бы достиг всего, чего хотел, удовлетворил все свои желания, осуществил все свои мечты. Самые счастливые из людей счастливы тем, что у них есть, но исполнения всех желаний не достиг ни один. Из объяснений психологов получается, что еще не было в мире человека, свободного от помех и комплексов. Тогда, может быть, вся жизнь, о которой они говорят - одна большая помеха, и они вообще не знают, что такое жизнь.

Наш ответ на этот вопрос прост: удовлетворения нет тогда, когда мы пытаемся утолить голод непригодной пищей. Удовлетворения нет, а есть только тень наслаждения, да и с наслаждением не все гладко, как хотелось. Творец заложил в нашу душу могучее стремление к бесконечному наслаждению. Проблема в том, что все известные нам наслаждения конечные и временные, потому что целиком зависят от объекта, который мы потребляем. Закончился симфонический концерт - кончилось наслаждение музыкой. Но душе мало, - она стремится к наслаждению нескончаемому. (Сравните: благородный поступок, который мы совершили 15 лет назад, доставляет нам удовольствие и сегодня, нам не только приятно о нем вспоминать, мы словно переживаем его заново; а самый лучший концерт забывается через полчаса, и, хотя вспомнить о нем приятно, удовольствие от него нельзя пережить вновь.)

Разве есть наслаждение выше, чем истинная любовь между мужчиной и женщиной? - Нет, ответим мы. - Счастлив ли человек, которого посетила большая любовь? - Конечно, ответим мы, кто сомневается? - То есть, любящий человек достигает полного счастья? - Да, конечно, отвечаем мы, поскольку это очень простые вопросы. - Но дает ли любовь чувство полного удовлетворения, ощущение достигнутой гармонии, совершенства? - И вот тут наступает пауза. Трудно признать, что любовь, которую так ищет человек, всегда оказывается далекой от совершенства. Но это так. И прежде всего потому, что к светлому чувству любви примешивается некое ощущение зыбкости, невечности. Влюбленный человек, любящий и любимый, чувствует, что его счастье временно, что оно может

уйти, и, что самое страшное, он не в силах удержать его. Люди не всегда думают об этом, но подсознательное ощущение временности портит наслаждение, уменьшает счастье. Больно ощущать, что объект, с которым связана вся твоя жизнь, однажды может исчезнуть, и ты не знаешь, как это предотвратить, - болезнь, смерть, дорожная катастрофа, вынужденная разлука. Или еще проще, однажды утром тебе говорят: извини, я поняла, что больше тебя не люблю. Какой ужас! Человека терзает ощущение, что счастье не в его власти. Есть такая притча: человек проходит мимо одного дома и слышит в нем музыку и пение. Все кричат *мазал тов*, и видно, как во дворе ставят хупу. Свадьба, говорит человек сам себе, большая радость, кто-то женит своего сына. Назавтра он снова слышит в том же доме свадебные мелодии и думает: вот повезло хозяину дома: вчера сына женил, сегодня, дочку выдает замуж. Идет на третий день - и снова музыка. Человек видит, что нет *хупы*, но *мазал тов* все равно кричат, значит, решает он, справляют *бар-мицву*. На четвертый день то же самое, и он, уже обращаясь к местному жителю: сколько же детей у этого человека, если каждый день в его доме свадьба? На что прохожий отвечает: дурень, это же свадебный зал!... Талмуд называет наш мир свадебным залом: в нем есть счастье, но оно не твое, не тебе принадлежит; ты просто крестьянин, который женился на царской дочке. Для того, чтобы счастье стало твоим, чтобы и в твой дом пришла радость, есть только один путь - прекратить кормить душу суррогатами и начать давать ей настоящую пищу, к которой она стремится.

Из всего сказанного вовсе не следует, что синоним счастья - религия, а счастлив тот, кто верит в Б-га. Никому нельзя гарантировать, что, как только он наденет кипу и прекратит работать в субботу, он моментально обретет счастье. Среди так называемых религиозных людей тоже много несчастных и неудовлетворенных. Причина тому проста: дорога к счастью нелегка. Она требует колоссальных усилий - углубленного изучения Торы, работы над собой, борьбы с собственным эгоизмом и примитивными инстинктами. Не все из нас на это готовы. Многие религиозные люди, идя по пути наименьшего сопротивления, ведут себя так же как и нерелигиозные: стремятся к накоплению имущества, к почету и пр. Поэтому никакого счастья им не видать, как не видать его и их нерелигиозным собратьям.

Тора - не чудодейственное лекарство, не волшебный концентрат, из которого можно изготовить эликсир счастья. Волшебных концентратов на свете нет. Истинную духовность, дающую счастье, нельзя приобрести даром, без труда, пота и крови. Но есть в Торе путь к счастью, и тот, кто идет по нему бескомпромиссно, несомненно будет счастлив. Без Торы счастья нет и все надежды на него беспочвенны. Даже самый удачливый человек неизбежно придет к выводу: у меня есть все, почти все, мне бы только немножечко счастья! Такой путь ведет в тупик. Душа, царская дочка, мешает крестьянину жить, не дает ему наслаждаться простыми крестьянскими удовольствиями. И в то же время душа дана человеку не для того, чтобы страдать. Наоборот, она создана для счастья.

Рассказывают такую притчу. После того как Творец создал все живое, пришел к Нему голубь с жалобой на несовершенство тела, которое ему досталось. А надо сказать, что по первоначальному плану у голубя не было крыльев, и он только бегал. "В мире слишком много хищников, - сказал голубь. - Все на меня нападают, пользуясь моей кротостью, а я не могу убежать. Слишком мои ноги слабы. Сделай что-нибудь!" - "Хорошо", - сказал Творец и наделил голубя крыльями. Но голубь снова пришел на суд к Б-гу и пожаловался: "Стало много хуже. Раньше я хоть как-то ковылял, а теперь, не упав, и шагу ступить не могу. Крылья мешают, путаются в ногах, за все задевают. Забери их!" - "Глупый голубь, - сказал Всевышний. - Разве крылья для того, чтобы бегать? Крылья для того, чтобы летать!!"

Так и душа человеческая. Она хочет лететь, а мы заставляем ее бегать по земле да еще удивляемся, почему при этом испытываем неудобства. Дадим же ей то, чего она хочет. А Б-г поможет нам на этом пути.